

Глава 10: Смерть маленького Ли.

– Цинь, ну ты и бессовестный! – не выдержал Цзян Мин, в голосе его сквозила обида. – Твоего брата избивают, а ты стоишь в сторонке и глазеешь?

– А что мне делать? – отозвался Цинь Вуйи, пожимая плечами. – Я же ей не соперник. Выскочу – и повисну рядом с тобой на дереве, как пара дынь на ветке. Лучше уж притвориться колючим кактусом: она уйдёт, а я тебя потом выручу.

Цинь Вуйи возился не спеша, словно нарочно тянул время. Лишь спустя целую вечность веревка, наконец, поддалась его ножу.

Цзян Мин, неопытный, рухнул вниз, растерянно тараща глаза, и чуть не врезался головой в землю. Хорошо, что Цинь Вуйи успел подхватить его в последний момент, уберегши от позорного падения.

Внезапное тепло, мягкое, почти девичье, что передалось через объятие, заставило Цинь Вуйи на миг замереть, а в глазах его мелькнула тень удивления.

Но замешательство длилось лишь мгновение. Ловким движением он помог Цзян Мину перевернуться и плавно опуститься на землю.

Закончив эту череду движений, Цинь Вуйи подобрал с земли обрывки верёвки, намереваясь вернуться в свои покои. Но не успел он сделать и пары шагов, как Цзян Мин, приободрившись, засеменил следом.

– Цинь, брат! Цинь! – затараторил он. – А ты ловко движешься! Небось, мастер боевых искусств?

– Да так, – небрежно бросил Цинь Вуйи, – Фехтованию немного учился. Пустое, ничего серьёзного.

– Ого... – протянул Цзян Мин, не унимаясь. – Самоучка или под мастером ходил?

– Самоучка, – отмахнулся Цинь. – До настоящих тайн не добрался.

– А с той ведьмой как? – не отставал Цзян Мин. – Сравниться можешь?

Цинь Вуйи не сдержал улыбки.

– Ты ещё спрашиваешь.... Пятьдесят на пятьдесят: либо уцелею наполовину, либо от меня и костей не останется.

Он, похоже, раскусил, что за мысли кружат в голове у Цзян Мина. Остановился, повернулся к нему и добродушно посоветовал:

– Ты, брат, не вынюхивай. Беги-ка лучше к своему старшему брату Сун Тяньсину. Моя скромная хижина не удержит тринадцатую в списке небесных гениев, эту неугомонную фурию.

– Так ты её знаешь? – Цзян Мин прищурился, в его лисьих глазах мелькнула хитринка. – Список небесных гениев — это что за штука?

– Пустая забава, – отмахнулся Цинь Вуйи. – Кучка бездельников составила рейтинг, куда заносят практиков с Белого Облачного Континента моложе сорока лет.

Цинь Вуйи, похоже, был хорошо осведомлён о делах мира совершенствующихся. Он продолжил, словно между делом:

– Та девица, что тебе досаждала, – Су Сянцзы, тринадцатая в списке небесных гениев. В последние годы о ней много говорят. Нрав у неё — как ветер в горах: то смеётся, то в ярость впадает. Мелочна до крайности, а к Сун Тяньсину привязана так, что это уже на одержимость похоже.

– Раньше Сун Тяньсин её сдерживал, и она вела себя смирно. Но теперь... – Цинь Вуйи чуть понизил голос. – Сун Тяньсин ранен, некому её обуздать. Боюсь, она такого натворит, что небо с землёй местами поменяются.

Цзян Мин в глубине души только и мог, что безмолвно вздыхать. Больная на голову, вот оно что! Неудивительно, что эта девица такая чокнутая.

Ха, вроде бы мужчина, а обернулся длинноногой красавицей с тонкой талией, да ещё и «влюбился» в старшего брата с этой своей болезненной страстью... Поделом тебе, психичка!

Так размышлял про себя некий «красавец Цзян», позабывший, что и сам-то он теперь не совсем тот, кем был прежде.

Вспомнив угрозы той ненормальной сестры-наставницы, Цзян Мин невольно поёжился. Не до болтовни с братом Цинь Вуйи — он сорвался с места и помчался в свою комнату, где с удвоенным рвением принялся за медитацию и практику.

Только когда «Обращение Инь» удалось удержать на протяжении двенадцати полных часов, Цзян Мин, ворча, прервался.

– Эх... жалко-то как...

Из-за побочных эффектов превращения в «девицу» он не смел переступать запретные границы. Сосредоточившись, Цзян Мин направил поток «Метода Обращения Инь» в обратную сторону, и его тело вновь начало меняться.

Вскоре «она» снова стала «им».

Вернувшись в мужской облик, Цзян Мин долго разглядывал себя в зеркале, но чем дольше смотрел, тем больше недоумевал.

– Показалось, что ли?

Он с сомнением ущипнул себя за щёки. Почему-то кожа казалась... нежнее, чем прежде, словно светилась изнутри.

– Странно, – пробормотал он. – Я же не нарушал запретов в «Обращении Инь». Не должно быть никаких побочных эффектов. Постой-ка, а если...

У Цзян Мина ёкнуло сердце. Внезапно он осознал, что практиковал «Главу Остаточного Инь» — метод, предназначенный исключительно для «младших сестёр» из Секты Радостного Союза. Неужели эта проклятая техника дала сбой?

Он попытался направить поток истинной ци, но тут же столкнулся с ещё более серьёзной бедой.

Ци текла медленно, словно вязкий мёд, а меридианы будто заросли терновником — вяло, с задержками. Мало того, вбирать духовную энергию извне и восстанавливать ману стало куда труднее.

С одной стороны, вернувшись в мужское тело, он потерял ту «прозрачность» каналов, что была в женском облике. С другой — эта техника, созданная для «сестёр», явно не подходила его нынешнему мужскому естеству.

По сравнению с конфликтом техник культиваций, кожа, ставшая «нежной, как у младенца», и вовсе не казалась проблемой!

Цзян Мин первым делом подумал о смене практики, но тут же вспомнил: в секте, конечно, есть техники помимо «Таинства Дракона» и «Главы Остаточного Инь», но все они... тоже предназначены для женщин.

В Секте Радостного Союза мужчины либо совершенствуют «Таинство Дракона», либо, если не

осиливают, давно уже становятся «младшими сёстрами».

Другие техники созданы для редких «натуральных» сестёр, что вступают в секту, и, само собой, тоже только для женщин.

Ну и что, переучиваться теперь, что ли? Бесполезно.

Добыть технику из другой школы? На это нет времени — та ненормальная сестра-наставница дала ему всего семь дней.

Цзян Мин чуть не взвыл от отчаяния. Неужели... в мужском облике он сможет выдать лишь половину силы, а для полной мощи придётся превращаться в женщину?

И что это, спрашивается, за ерунда?

Кем это его делает?

Какая-то волшебная девочка?

Жизнь не сахар, и бравый парень только тяжело вздохнул. Думал он, думал, но так и не нашёл способа примирить технику с полом. В конце концов, махнул рукой:

«Да и ладно, будь что будет».

— Не то чтобы совсем уж нельзя практиковать. Сойдёт и так, на безрыбье.

А что ещё делать? Отказаться от практики? Если бросить всё, не говоря уже о экзамене секты, он и под ножом той чокнутой наставницы не выстоит.

Вздыхая и охая, Цзян Мин вышел из комнаты и тут же наткнулся на Цинь Вуйи. Тот разводил огонь под жаровней, готовясь зажарить свежепойманного оленя. Поворачивая вертел, он щедро посыпал мясо тмином.

Аромат так и ударил в нос, и все печали Цзян Мина мигом улетучились за облака. Он, позабыв о приличиях, подскочил к жаровне и принялся суетиться, будто и впрямь собирался помочь.

— Да отойди ты, только мешаешь, — Цинь Вуйи с первого взгляда раскусил, что Цзян Мин просто хочет урвать кусок, но стесняется попросить. Усмехнувшись, он махнул рукой: — Не пугайся под ногами. Дожарю — и получишь пару ног.

Услышав такое обещание, Цзян Мин тут же присел рядом, послушный, как котёнок. Глаза его

блестели, слюнки текли, пока он пялился на шипящие оленье ноги.

– Цинь, брат, да ты мастер на все руки!

– Голод — лучший учитель. Если бы мой наставник не стряпал так, будто свиньям корм готовит, я бы этому не научился.

– Наставник?

Цинь Вуйи понял, что сболтнул лишнего, и поспешил замять:

– Ну, учитель из частной школы.

– А-а... – Цзян Мин не стал вдаваться в подробности. Его большие, словно налитые водой миндалевидные глаза неотрывно следили за оленьей ногой, что шипела и сочилась жиром на огне.

Пусть «учитель из школы», который кормит учеников, звучит странновато, но Цзян Мин давно решил, что Цинь Вуйи — не простак. Уж точно кто-то, кто пришёл в секту с опытом за плечами, так что удивляться тут нечему.

Когда оленина подрумянилась, Цинь Вуйи ловко ухватил заднюю ногу и одним движением оторвал её вместе с костью и сухожилиями, бросив добычу Цзян Мину.

Цзян Мин, только-только начавший свой путь совершенствования, был ещё далёк от отказа от пищи. Стоило прервать практику, как желудок, изголодавшийся за двенадцать часов, тут же принялся бурчать и клокотать. Запах жареного мяса ударил в нос, и он, не сдерживаясь, вгрызся в угощение, на ходу показывая большой палец.

– Цинь, брат, это просто чудо! – восхитился он с набитым ртом. – С таким талантом, кем бы ты ни стал, тот, кто тебя заполучит, будет жить как в раю.

– Ну, у тебя и язык...

Цинь Вуйи, сперва довольный похвалой, вдруг замер, услышав намёк. Улыбка его застыла, и лицо стало таким, будто он не знал, то ли смеяться, то ли плакать.

– Хе-хе, – хихикнул Цзян Мин.

Стоило ему подумать о грядущем экзамене секты, как он представил, как этот заботливый и надёжный «брат Цинь» с большой вероятностью превратится в ласковую и домовитую «сестру

Цинь». От этой мысли его так и тянуло расхохотаться.

Он всё больше веселился, и уголки губ так и норовили расползтись в улыбке, которую не унять.

Вино лилось рекой, от оленя осталась едва половина. Двое друзей, слегка захмелев, принялись убирать жаровню, как вдруг входная дверь во двор со скрипом отворилась.

Цзян Мин и Цинь Вуйи разом обернулись.

В проёме показалась фигура в ярком платье из зелёной и пурпурной парчи. «Девушка» споткнулась на пороге, плечи её дрожали, а она, цепляясь за косяк, пыталась подняться.

Цзян Мин взгляделся в её лицо и ахнул:

– Ли... брат Ли?!

***

<http://bllate.org/book/16104/1442760>